

После пяти минут карабканья ему пришлось отдохнуть минут пять, чтобы перевести дух. Но в остальном он был готов к этому дню.

Он повернулся лицом к зеркалу, висевшему у левой стены его комнаты, и в последний раз осмотрел себя. Как всегда, он выглядел каким-то больным и худым. Скулы выделялись на смуглом лице, а линия челюсти казалась достаточно острой, чтобы разрезать плоть. Даже густые брови отбрасывали тени на слегка запавшие глаза. Он боролся с тенями, убирая косы с лица ободком, который позаимствовал у одной из сестер. Это, казалось, помогало справиться с болезненным выражением лица. Что касается остальных частей его худощавого телосложения, то он скрывал их сине-черной молнией Nike, джинсами в обтяжку и своими любимыми белыми кроссовками Air Force. Это была идеальная обувь. Она подходила ко всему.

Время показывало семь пятьдесят. Ему нужно было успеть на автобус, поэтому, ничего не оставалось делать, он схватил рюкзак, запихнул туда блокнот и барабанные палочки вместе с учебниками и вышел из своей комнаты.

Тишину его комнаты тут же нарушил хаотичный поток его младших братьев и сестер, которым родители помогали собираться в школу.

— Доброе утро, Тэй! — сказал невысокий светлокожий мальчик с огненно-рыжими волосами и пятнами от еды вокруг рта, когда Бронте выходила из своей комнаты.

— Привет, младший, — ответил Бронте своему младшему брату, прежде чем взять салфетку и вытереть лицо.

— М-мф... Тау.... — сказал младший, пока Бронте вытирал его лицо и нос.

— Йоу, — ответил Бронте, похоже, больше сосредоточившись на том, чтобы убрать сироп с носа младшего. Как такое вообще возможно?

— Мама говорит, что ты сочиняешь музыку, когда тебе некомфортно...

— М-м-м... — ответила Бронте.

— Почему ты всегда такой неловкий? — неожиданно спросил Джуниор, неправильно произнеся "неловкий" из-за того, что Бронте вытирал подбородок.

Бронте на мгновение опешил от такого вопроса, но потом пожал плечами.

— Штормы.... делают меня нервным. Мама думает, что у меня что-то вроде чувствительности к свету и звуку. Молнии непредсказуемы и громки, понимаешь? Но.... я не знаю. Когда я играю свою музыку... когда я ловлю этот поток, мне кажется, что он становится предсказуемым. Ритмичным. Что-то вроде этого...

Бронте закончил вытирать лицо Джуниора и взъерошил его волосы. Младший сделал то же самое и взял одну из его косичек.

— Что значит непредсказуемый? — неожиданно спросил Джуниор.

Бронте вздохнул и слабо улыбнулся. Дети иногда были забавными:

— Спросите маму, я опаздываю.

— Да, опаздываешь. Я скоро начну выключать электричество по утрам, Тэй, — сказала мать Бронте, выходя из-за спины младшей, когда та направилась из кухни вглубь квартиры.

Ее звали Анека Коннорс. Ростом в шесть футов, крепкого телосложения и с неподдельной лысиной, она была внушительной женщиной. Красивая и свирепая, когда этого требовало время. Идеальный приемный родитель для массы детей, бегающих по квартире вместе с ним.

— Я как раз собирался уходить, — ответил Бронте, подходя к нему.

— Хорошо. Не забудь взять зонтик, — сказала она. Ее смуглая кожа, казалось, светилась под некачественными лампами в гостиной.

— Хорошо. Я пошел, ма, — Бронте быстро направился к двери, наблюдая за тем, как он готовится к выходу, положив толстые руки на бедра.

— Мальчик, иди сюда, — мать прервала его, схватив за руку и заключив в объятия, достаточно крепкие, чтобы затрещали его слабые ребра. Ее суровость редко выдерживала его долго.

Через несколько секунд он был вынужден отступить — она была на удивление сильной.

— Хорошо, милый, удачного дня. Если начнется сильная гроза, найди винный погреб или ближайший гастроном, пережди внутри и позвони мне. Я приеду за тобой. И если в поезде ты увидишь кого-нибудь светящегося, дышащего огнем или прилипшего к столбам...

— Иди в другую сторону и не позволяй никому себя злить, ага. Понял. Увидимся позже, ма, — ответил Бронте, открывая дверь и выходя из своей семейной квартиры.

На выходе он столкнулся плечом с девушкой не старше его. Ее лицо было скрыто капюшоном, который она носила. Она напомнила ему женщину, которую он видел за окном. Как и она, девушка исчезла по лестнице, словно ее и не было в комплексе.

Бронте покачал головой и вышел на улицу, чтобы успеть на поезд.

По пути он столкнулся со всевозможными эксцентриками, принадлежащими исключительно Гарлему. По большей части. Граффити с изображением несокрушимого человека в желтом. Гарлемский герой, Пауэрман. Дьявол Адской кухни. Уличные проповедники, рассказывающие о Мстителях и их недостатках. И всевозможные афроцентричные уличные артисты. Когда ему приходилось ждать на остановках, он использовал свои барабанные палочки, чтобы подыгрывать им. Чаще всего они просили его остаться. К сожалению, он опаздывал, а тучи все еще были грозowymi, даже когда над головой сверкало солнце.

Когда он добрался до своего поезда, его дыхание было достаточно громким, чтобы привлечь внимание. Он даже сам обратил на себя внимание, удивившись тому, что устал меньше, чем обычно. В большинстве случаев ему приходилось делать перерывы в пути из-за приступов жуткого кашля или лихорадки, от которой кружилась голова, но сегодня перерывов не было.

— Солидно, — с гордостью сказал себе Бронте, садясь в поезд и листая плейлист на своем телефоне.

Его улыбка померкла, когда в поезд ввалилось еще больше тел. Одно из них — женщина в капюшоне с окровавленными костяшками пальцев, а рядом с ней — женщина поменьше в таком же наряде. Когда все расселись, они остались стоять в противоположных концах вагона,

свирепо глядя в окна и на пассажиров внутри. Он вдруг подумал о том, что меньшая из них — та самая женщина в капюшоне, с которой он столкнулся по дороге из своей квартиры...

Бронте почувствовал, как по позвоночнику пробежала дрожь. Пытаясь успокоить нервы, он надел наушники и достал барабанные палочки.

"Нет. Нет. Что-то не то", — подумал он и позволил музыке политься из наушников.

Прошел час, и он уже почти забыл об их присутствии, когда поезд резко остановился, и его металлические колеса громко заскрипели по рельсам под его ногами. Тупой гул был похож на раскаты грома.

Открыв глаза и сняв наушники, он увидел, что все уже встают со своих мест, чтобы покинуть поезд. Двух женщин в капюшонах нигде не было. И снова.

"Точно..." — подумал Бронте, бодро вставая и покидая поезд.

До школы оставалось не более полумили. И они пронеслись мимо, когда он вышел из метро на улицы нью-йоркского Квинса. Это место во многом отличалось от Гарлема. Более индустриальный — блестящий и отражающий все стеклянные небоскребы, которые выстроились вдоль улиц, словно границы с остальным миром. Несмотря на то что он вырос рядом с ними, от этого вида его все равно тошнило.

К счастью, к тому времени, когда он добрался до места назначения, тошнота прошла. Школы Мидтауна.

Время на телефоне показывало две минуты девятого. Не совсем опоздание, но уже близко. Сотни других учеников, похоже, делали то же самое, наблюдая за тем, как масса людей вливается в массивное здание из бордового и белого кирпича.

Вскоре он последовал за ними, и всю дорогу его не покидало ощущение, что за ним наблюдают. Каждый человек в капюшоне заставлял его нервничать — наряду с красным цветом..., который, как оказалось, был цветом футбольной команды их школы.

Сегодня будет долгий день.

<http://tl.rulate.ru/book/99582/4400766>